УДК 947(571.6)

Савчук Анна Александровна – аспирант ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Фокино).
E-mail: adas_87@mail.ru

Anna Aleksandrovna Savchuk – postgraduate student of FGAOU VPO "The Far-Eastern federal university" (Fokino). *E-mail: adas_87@mail.ru*

A.A. Savchuk

New marriage legislation and it's influence on changing of numbers of marriages and divorces on the Soviet Far East in 1920th

In the article considered the problem of forming and standing new marriage legislation in Soviet Russia and it's influence on increasing in the number of marriages and divorces on the Far East. Besides considered forming in 1920th foundations of soviet marriage politics, peculiarity of realization of new marriage legislation on the Far East.

Keywords: marriage politics, marriage legislation, USSR, marriage-family relations, the Far East, gender display, actual marriage, divorce.

Новое брачное законодательство и его влияние на изменение численности браков и разводов на советском Дальнем Востоке РФ в 1920-е гг.

В статье рассматривается проблема формирования и становления нового брачного законодательства в Советской России и его влияние на рост числа браков и разводов на Дальнем Востоке РФ. Кроме того, рассматривается формирование основ советской брачной политики, заложенных в 1920-е гг., особенности реализации нового брачного законодательства на Дальнем Востоке РФ.

Ключевые слова: брачная политика, брачное законодательство, СССР, брачно-семейные отношения, Дальний Восток РФ, гендерный дисплей, гендерный конструкт, фактический брак, развод.

Вопрос о роли и месте брака и семьи в обществе занимал умы философов и социологов разных времен: от Платона до Энгельса. Первичность семьи, необходимость законодательного закрепления брака, его приемлемой формы – вот немногие из тех проблем, которые пытаются решить ученые и философы.

Дальневосточный регион имеет свою специфику: удаленность от центра, более позднее протекание ряда экономических и социальных процессов, большую консервативность дальневосточного общества, связанную с превалированием в регионе крестьянского населения и влиянием старообрядчества. Новое брачное законодательство, реализуемое в центре,

доходило до региона тогда, когда в Европейской России уже видны были его первые результаты. В то же время, в центральных регионах РСФСР и Сибири формировалась специализированная женская юридическая печать («Делегатка», «Коммунистка», «Общественница», «Красная Сибирячка», «Вестник советской юстиции» и ряд других изданий), на страницах которой обсуждались новые законопроекты, печатались отклики населения на реформу семейного права, обсуждались проблемы, с которыми сталкивались семьи, и т. д. Однако на Дальний Восток РФ центральная пресса доставлялась нерегулярно, а местная – не уделяла должного внимания ряду социальных проблем, считая их второстепенными, что создавало определенные трудности в формировании у дальневосточников представления о возможности высказать свое мнение в периодической печати, а также значительно затрудняло обмен мнениями с жителями Центральной России. Основным способом выразить свое мнение оставались делегатские съезды, заседания женотделов, собрания трудовых коллективов, где женщины могли рассказать о тех трудностях, с которыми они сталкивались в результате изменения брачного законодательства и ломки традиционной патриархальной семьи.

Представление о том, что мир – дом мужчины, а дом – мир женщины, противопоставляет мужское и женское начала и задает определенный символизм неравенства полов в обществе. Семья выступает как основной институт закрепощения женщины в трудах ряда социологов, историков и политиков. Особенно ярко это проявилось в марксистской идеологии и последующих воззрениях большевиков, что и предопределило формирование новой концепции брака и семьи в формирующемся советском обществе.

Равномерное и гармоничное развитие общества предполагает отказ от жесткого противопоставления мужского начала женскому и принятие идеи их взаимозависимости друг от друга. Сегодня, когда институт брака и семьи в России и Европе переживает кризис, особенно актуальны поиск новых форм построения брачно-семейных отношений и вопрос о роли государства в процессе их формирования. При этом, важно учитывать предыдущий опыт формирования брачно-семейных отношений и роль государства в направлении этого процесса, где опыт Советской России особенно интересен. Кроме того, ряд узловых проблем современной семьи, например проблема отцовства, сформировались именно в 1920-е гг. под влиянием политики государства в сфере брачно-семейных отношений.

В советской историографии вопрос становления новых форм брака и семьи, как правило, затрагивался в рамках исследований роли женщин в промышленности, сельском хозяйстве, политической активности. Считалось, что традиционный институт семьи закрепощал женщину, лишая её права на какую-либо трудовую активность вне дома. Советская же власть предоставила женщинам возможность полноценного совмещения материнства и профессиональной деятельности, признав их равно важными для государства и женщины. Основой были признаны традиционная нуклеарная семья, состоявшая из родителей и детей, либо патриархальная большая семья. Любые формы семьи и брака, выходившие за рамки этих форм, порицались обществом

и партией.

В настоящее время наблюдается поиск новых форм семьи: «шведская семья», однополые браки, гаремная форма семьи и т. д. Все они возникли как противовес традиционной патриархальной семье, характеризующейся абсолютной властью главы семьи над его домочадцами, в первую очередь женщинами и детьми. Борьба с патриархальной семьей, не позволявшей женщине реализоваться в профессиональной сфере, началась во второй половине XIX в. и с переменным успехом продолжается до сих пор, пройдя несколько ключевых периодов:

1. 1860 – 1880-е гг. связаны с возникновением первой волны суфражизма в Великобритании, борьбой женщин за свои права в США и возникновением так называемого «женского вопроса» в России, а также знаменовали кризис традиционной патриахальной семьи. Для этого периода характерно: рост численности фиктивных браков для обретения женщинами самостоятельности; появление «свободных союзов», т. е. незарегистрированных браков, длящихся до тех пор, пока существует любовь между супругами; борьба за право свободного развода и сознательный отказ ряда девушек, уходящих в революцию, от создания семьи.

2. 1917 – 1929 гг. связаны с Февральской и Октябрьской революциями, поисками новых форм семьи, основанной на любви и привязанности, а не на материальных выгодах. Для этого периода характерно: вытеснение религиозного брачного обряда светским; рост численности «свободных союзов», а также добрачных беспорядочных половых связей среди молодежи; свобода развода и, как следствие, рост численности неполных семей и вытеснение отца из семьи.

3. 1941 – 1950 гг. связаны с Великой Отечественной войной и последовавшей за ней диспропорцией мужского и женского населения, дестабилизацией семьи, ростом численности вдов, сирот и неполных семей.

4. 1985 г. – настоящее время связаны со сменой общественного и экономического устройства в России. Для этого периода характерно: резкий рост числа разводов, беспорядочных половых связей; активное сексуальное экспериментирование; поиск новых форм семьи (в том числе и возврат к традиционному многоженству у мусульман и мормонов); резкое снижение числа детей в семье; подрыв авторитета семьи, культ индивидуализма, который прямо исключает семейную жизнь.

Однако для представителей власти патриархальная семья весьма удобна, так как через главу семьи позволяет контролировать ее членов и влиять на них. Кроме того, патриархальная семья решает проблему с обеспечением детей, уходом за ними и первичной их социализацией, снимая эту ответственность с государства. Поэтому в промежутках между данными этапами наблюдались периоды стабилизации, выраженной, как правило, в том, что функцию охраны семьи брала на себя либо церковь (как до революции), либо государство (как в советское время). Семья в их представлении традиционна – муж, жена и дети, к ним добавляются родители либо другие родственники, и эта модель с жестким табу на внебрачные связи, полигамию и однополые браки закрепляется при

помощи религиозных и правовых норм. Исключение в дореволюционной России делается для иноверцев, в Советском Союзе исключений не делалось ни для кого.

Один из основных вопросов, который встает перед исследователем семейно-брачной сферы 1920-х гг. – это вопрос об отношении власти к женщине, о восприятии ее властью, о формировании новой модели женственности и т. д. В свою очередь, с проблемой взаимоотношения женщины и власти тесно связан вопрос о патриархальности власти, так как её носителями зачастую оказывались мужчины. Отсюда вытекает вопрос о соотнесении мужского и женского, то есть маскулинизированной власти и женского начала, представленного «трудящимися женскими массами».

Базисным понятием в данной проблематике стало введенное в научный оборот понятие «***гендерный дисплей».*** Гендерный дисплей есть многообразие представлений, характеристик мужского и женского в обществе, которые находятся в постоянном взаимодействии и проявляются в реалиях полового поведения, многообразии жестов и мимики, в одежде, украшениях, являясь подвижным моментом в «игре» человеческих отношений. Гендерный дисплей признается культурно-детерминированным – у каждой общности имеется свой набор ритуалов и практик полового поведения. Как правило, гендерные дисплеи отражают на деле стереотипы феминности и маскулинности, которые усваиваются людьми ещё с раннего возраста и с годами становятся важным фактором межполового взаимодействия [1. С. 54].

Основная культурная детерминанта 1920-х гг. напрямую связана с семьей и ролью женщины в ней. Отношение власти и её представителей к материнству было двояким: с одной стороны, признавалось, что материнство – это крест женщины, мешающий ей активно реализовываться в профессиональной и общественной сфере, а с другой – считалось гражданской обязанностью женщины. Та же политика двойных стандартов прослеживалась и по отношению к семье: признавался вред и разлагающее влияние старой «буржуазной» семьи и считалось необходимым её ликвидировать, а с другой стороны, проводилась политика сохранения семьи в новых формах и в новом качестве (а впоследствии – и консервация традиционной нуклеарной семьи).

Гендерный дисплей дореволюционной России предписывал женщине быть женой, матерью и работницей в хозяйстве, во всем подчиняться мужу и свёкру, что нашло отражение в законодательстве, запрещающем женщине выезд за границу, получение образования и отход на заработки без разрешения отца или мужа. Законным признавался только церковный брак, развод был крайне затруднен, контроль за женской сексуальностью осуществлялся за счет поражения в правах внебрачных детей и церковного порицания «блуда». В итоге, если структурировать все аспекты гендерного дисплея в виде гендерного конструкта (определенной формы закрепления основных положений гендерного дисплея), представляющего собой треугольник, то его «углами» будут мать – жена – монахиня как единственно легитимизированные и поощряемые обществом роли для женщин. Показательно, что первый этап борьбы за женскую эмансипацию в 1860 гг. проходил под лозунгом более

качественной подготовки женщины к исполнению традиционных ролей жены и матери.

После 1917 г. (а применительно к советскому Дальнему Востоку – после июля 1922 г.) законным признавался только зарегистрированный в органах ЗАГС брак, признавалась свобода развода и право на свободную интимную жизнь, уравнивались в правах законнорожденные и внебрачные дети. Тем самым государство не только оправдывало свой тезис о наличии свободной семьи, построенной на принципах любви и взаимного уважения супругов, но и обеспечивало страну в условиях послевоенной разрухи притоком дешевых рабочих рук, так как теперь женщинам не нужно было разрешение мужей и отцов для устройства на работу. Изменился и гендерный конструкт: при сохранении роли матери место жены и монахини занимали теперь работница и общественный деятель.

Первые законодательные акты, посвященные вопросам брака и семьи, были приняты в декабре 1917 г. Это были: Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния; Декрет о расторжении брака, – легшие в основу нового Кодекса о браке и семье 1918 г. Согласно этим декретам, признавались лишь гражданские браки, заключенные в местных органах ЗАГС, церковный брак становился частным делом брачующихся. Минимальный брачный возраст был определен в 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин, в брак было запрещено вступать родственникам по прямой линии, полнородным и неполнородным, состоящим в браке и умалишенным. Вступающие в брак давали подписку об отсутствии перечисленных препятствий и добровольности брачного союза [2. С. 247]. Брак расторгался по обоюдному согласию супругов или по желанию одного из них в суде. Суд определял, у кого из супругов оставались несовершеннолетние дети, какая фамилия присваивалась супругам и решал вопрос о том, обязан ли муж содержать бывшую жену, а также определял размер содержания [3. С. 237 – 238].

Основные положения Декрета о гражданском браке и Декрета о расторжении брака были положены в основу Семейного кодекса 1918 г. в более развернутом виде. Так, согласно ст. 52, «… только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в Отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов... Брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не зарегистрирован установленным порядком» [4]. Брак считался заключенным «… с момента занесения записи о нем в Книгу записей браков».

Новый советский закон о семье означал ***секуляризацию института брака.*** Государство не «освящало», а регистрировало брачные отношения, считая их личным делом самих брачующихся. При этом, только единобрачие считалось наиболее соответствующей природе человека формой брака [5. С. 17 –18]. Церковное бракосочетание лишалось законного основания, а вместе с тем важнейшую властную прерогативу потеряла и Православная Церковь, которая контролировала в России вопросы брака и семьи в значительно большей сфере, чем в других европейских странах Католическая и Протестантская Церкви в

конце XIX – первой четверти XX вв. [6. С. 171]. Новое брачное законодательство фактически вытеснило Православную церковь (а вместе с ней и другие конфессии, ведавшие вопросами брака и семьи) из законодательной сферы в частную, окончательно подорвав основу её прежнего влияния в обществе.

Кодекс 1918 г. определял принципы построения семьи, ставшие основой брачной политики в советской, а потом и постсоветской России. Это были добровольность брака, свобода брака и развода, а также их гражданский характер. К недостаткам кодекса современники относили то, что он «… провел знак равенства между мужчиной и женщиной в осуществлении семейных и брачных прав, так как необходимо учитывать отсталость женщин, и поэтому нельзя предоставлять инициативе самой женщины защищать свои права, а возложить эту обязанность на государственные органы» [7. С. 24]. В целом, Брачный кодекс не соответствовал среднему образовательному уровню населения России, а легкость развода давала возможность активной спекуляции со стороны некоторых граждан, пытающихся провернуть жилищную аферу или добиться взаимности от неуступчивой девушки. В последнем случае брак регистрировался, но расторгался сразу же после брачной ночи или в течение одного – двух месяцев.

Законодатели исходили из марксистских представлений об индивидуальной половой любви супругов друг к другу как необходимости существования брака, который будет длиться до тех пор, пока есть любовь. Для более полной реализации этих установок семья должна была перестать быть основной хозяйственной ячейкой общества – все экономические функции семьи должны были перейти общественным организациям (баням, прачечным, столовым, яслям и детским садам).

Новые властные структуры установили собственный контроль за брачностью индивидов и начали диктовать свои нормы регулирования частной жизни. В стране начал утверждаться ***этакратический брачный порядок***, при котором именно государство не только присвоило себе право санкционировать заключение брачных уз, но и вмешиваться в частные дела своих граждан [8. С. 70 – 71].

Реализация советского брачного законодательства на Дальнем Востоке РФ началась на 4 года позже, чем в Европейской части России, с отмены закона Дальневосточной Республики (далее – ДВР) о «… гражданском состоянии лица, актах, его удостоверяющих, семейном и брачном праве» и введения на территории бывшей ДВР кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Этот акт был призван унифицировать брачное законодательство Советской России и бывшей Дальневосточной Республики. В июле 1922 г. все метрические книги церквей, которые не погибли или не были увезены белогвардейцами, спасавшими церковное достояние, были преданы в местные камеры ЗАГС. С этого времени духовенство лишалось права вести какую-либо регистрацию по актам гражданского состояния, а все церковные браки, заключенные после 1 июля 1922 г., считались недействительными.

После введения нового брачного законодательства на Дальнем Востоке РФ, в силу консервативности основной массы населения и сложностей в распространении информации о новом кодексе, не наблюдалось резкого повышения уровня разводов и уменьшения количества браков (вплоть до 1925 г.). Сложность подсчета числа браков и разводов обусловлена тем, что данные приведены то в абсолютных числах, то в процентах, то в числах на 1000 населения. Так, за период со 02 декабря 1922 г. по 1 апреля 1925 г. были заключены 13634 брака и всего лишь 2119 разводов (в абсолютных числах) [9. Л. 137], т. е. разводы составляли от общего количества браков всего лишь 15,5%.

В 1924 г. по ДВО на 1000 чел. приходились 1,3 разводов и 9,7 браков [10. С. 8 – 9]. В 1925 г. на 1000 населения по ДВО приходились 9,8 браков и 1,8 разводов, однако, в то же время, в городах ДВО наблюдалось уменьшение числа зарегистрированных браков на 8,7% и увеличение числа разводов на 14,5% [11. С. 2 – 4]. В 1926 г. эти цифры снизились до 9,0 и 1,6, соответственно [12. С. 6 – 7]. При этом, сравнительно большое количество разводов падало на церковные браки [13. Л. 10 – 12] из-за того, что люди, вынужденные жить вместе (в силу нерасторжимости церковного брака), получали возможность расторгнуть нежизнеспособный брачный союз.

Особенностью как первых декретов, так и первого кодекса стало отсутствие четко определенной дефиниции брака. Признавая историческую изменчивость форм отношений между мужчиной и женщиной, большевики настаивали на снятии общественных санкций с половых связей и перенесении прав и обязанностей родителей по отношению к детям на государство. Вопрос о необходимости законодательного оформления брачного союза оставался открытым на протяжении всей первой половины 1920-х гг.

К середине 1920-х гг. формирование дефиниции брака завершилось, советская юстиция теперь четко разделяла две категории брака: зарегистрированный и незарегистрированный (фактический). Именно фактический брак не накладывал по закону никакой юридической ответственности на супругов, при этом, по-прежнему оставаясь наиболее популярным, особенно в городской среде. Сложности с определением отцовства в фактических браках, проблема раздела имущества, необходимость правовой защиты фактических жен, вопросы регистрации брака, необходимость восстановления института усыновления для борьбы с беспризорностью привели к созданию нового Кодекса о браке и семье 1926 г., а также к появлению ряда сопутствующих документов, формирующих новый этап брачной политики.

Особое внимание в новом кодексе было уделено прекращению брака. Брак мог быть прекращен смертью одного из супругов, объявлением его через суд умершим или разводом. При этом мог быть официально прекращен разводом не только ***зарегистрированный***, но и ***фактический*** брак, установленный судом. Факт прекращения брака в случае отсутствия регистрации развода может быть равным образом устанавливаем судом [14]. Брак мог быть расторгнут как по обоюдному согласию супругов, так и по

одностороннему желанию кого-либо из них. При обоюдном согласии разводящихся каждый выбирал ту фамилию, которой он хотел бы именоваться, при одностороннем расторжении брака супругам присваивалась добрачная фамилия [14].

Новое советское законодательство не упорядочило отношения в брачно-семейной сфере, а, наоборот, привело к росту численности разводов и ещё большей путанице. Возник вопрос: когда суд может считать установленным наличие фактического брака? Кроме того, под фактическим браком обыватели и некоторые юристы часто понимали кратковременные половые связи, в которых мужчина не был обязан содержать женщину, а только ребенка, могущего родиться от этой связи. Особенно это касалось крупных городов, в первую очередь, Ленинграда и Москвы. Так, в г. Ленинграде число разводов после принятия нового кодекса выросло с 5536 (в 1926 г.) до 16006 (в 1927 г.) (в абсолютных числах). В 1928 г. соотношение разводов и браков составляло 4:5 [15. С. 499].

В промежутке с 1927 по 1930 гг. число разводов росло как в абсолютных числах, так и в процентном отношении к числу браков. Так, в 1928 г. по РСФСР были заключены 370327 браков, на которые пришлись 296311 разводов [16]. Из них на долю Европейской части России пришлись 313549 браков и 263220 разводов, на долю Дальневосточного и Сибирского краев — 95057 браков и 17093 развода [17]. По основным регионам РСФСР число браков и разводов было распределено следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Число браков и разводов по Центрально-черноземной области, Сибирскому краю и Дальневосточному краю в 1929 – 1930 гг. (в абсолютных числах)[18].

Годы	**Центрально-черноземная область**		**Сибирский край**		**Дальневосточный край (без Сахалинской и Камчатской областей и Никольского округа)**	
	Браки	***Разводы***	***Браки***	***Разводы***	***Браки***	***Разводы***
1929	116618	27760	69451	18374	10379	3278
1930	101527	24856	39137	15179	10577	3331

Из данных таблицы можно сделать следующий вывод: чем отдаленнее от центра был регион, тем меньше в нем было число разводов, что было

обусловлено более низкой численностью населения окраинных губерний. В то же время, соотношение браков и разводов было иным, чем в центре. Если в Центрально-черноземной области распадались 1/5 от всех зарегистрированных браков, то в Сибири и особенно в ДВК число разводов составляло 1/3 от численности всех зарегистрированных браков. Это можно объяснить рядом причин:

1) сохранение исторически сложившейся диспропорции мужского и женского населения на Дальнем Востоке РФ, соответственно, женщины находились в более привилегированном положении относительно выбора партнера, что не способствовало стабильности брака;
2) «чемоданное» настроение ряда прибывших на Дальний Восток РФ молодых людей, их нежелание оставаться на постоянное место жительства;
3) ряд так называемых «злостных алиментщиков», скрывавшихся на Дальнем Востоке РФ от уплаты алиментов, оставленных жене (женам) и детям и реализующих ту же поведенческую модель и в Дальневосточном крае;
4) обратные миграции населения, среди которых значительную часть составляли женщины (в процентном соотношении число обратных переселенцев из ДВК в 1920-е гг. выглядело так: 49,6% составляли мужчины, 50,4% – женщины [19. С. 167]).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Советской России в 1917 – 1929 гг. брачная политика строилась на следующих основных положениях: 1) светский характер брака; 2) свобода вступать в брак лицам, не состоящим в кровном родстве по восходящей и нисходящей линиям, и расторгать его по обоюдному желанию; 3) этакратический брачный порядок, при котором государство присваивает себе право регулировать брачные отношения своих граждан.

Новое законодательство привело к упрощению процедуры развода, доступности её для всех слоев населения, а также к утрате контроля над брачно-семейной сферой со стороны Православной Церкви и других конфессий. Однако свобода развода имела и негативные последствия: кроме возможности расторжения старых нежизнеспособных союзов, появилась возможность разного рода брачных афер с жилищем или влияния на неуступчивых девушек путем заключения краткосрочного брака.

Новое брачное законодательство было реализовано на Дальнем Востоке РФ на 4 года позже, чем в Европейской России и, в силу определенной консервативности основной массы населения и сложностей в распространении сведений о новом кодексе, не привело к резкому росту числа разводов как, например, в Европейской России. В основном, расторгались старые церковные браки, которые не могли быть расторгнуты ранее. Однако в процентном соотношении число разводов на Дальнем Востоке РФ достигало 1/3 от общего числа всех заключенных браков, в то время как в Европейской части России – лишь 1/5.

Литература и источники:

1. Мирошниченко, М. И. Взгляд на новую женщину: к вопросу о

гендерном дисплее в 1920-е годы (по материалам Урала) / М. И. Мирошниченко // От «женского вопроса» к гендерным исследованиям (140 лет работе Джона Милля «О подчинении женщины»). – Владивосток, 2009. – С. 54 – 67.

2. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. Т. 1 // Декреты советской власти. – М. : Госполитиздат, 1957. – 626 с.

3. Декрет о расторжении брака. Т. 1 // Декреты советской власти. – М. : Госполитиздат, 1957. – 676 с.

4. Семейный кодекс 1918 г. [Электронный ресурс] –. – Режим доступа: http: //www.7ya.ru/article/semejnyj-Kodeks-1918-goda-Razdel-2-Brachnoe-pravo/

5. Крупская, Н. К. Брачное и семейное право в Советской Республике / Н. К. Крупская // Коммунистка. – 1920. – № 3 – 4. – С. 16 – 19.

6. Карлбек, Х. Гендер и модернизация. Брачное законодательство северных стран и Советской России в 1920-е годы / Х. Карлбек // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С.170 – 178.

7. Лисицын, А. К вопросу о семье и браке (в дискуссионном порядке) / А. Лисицын // Коммунистка. – 1923. – № 12. – С. 24 – 26.

8. Казьмина, О. В. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки / О. В. Казьмина, Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 69 – 75.

9. РГИА ДВ. – Ф. Р-2422. – Оп. 1. – Д. 1083. – Л. 137.

10. Мевзос, Г. Материалы по естественному движению населения, бракам и разводам по ДВО в 1924 г. / Г. Мевзос // Статистический бюллетень. – 1925. – № 7 – 8. – С. 1 – 9.

11. Статистический бюллетень. – 1925. – № 14 – 15. – С. 2 – 8.

12. Николенко, М. Естественное движение населения, браки и разводы по ДВК в 1926 году / М. Николенко // Дальневосточное статистическое обозрение. – 1928. – № 1 – 2. – С. 1 – 7.

13. РГИА ДВ. – Ф. Р-2422. – Оп. 1. – Д. 1102. – Л. 10 – 12.

14. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. [Электронный ресурс] –. – Режим доступа: http: //wap.praktika.borda.ru/?1-12-120-00000068-000-0-0-1176666001

15. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860 – 1930 / Р. Стайтс. – М. : РОССПЭН, 2004. – 585 с.

16. ГАРФ. – Ф. А-374. – Оп. 23. – Д. 103. – Л. 65 ; Д. 106. – Л. 198.

17. Там же. – Д. 103. – ЛЛ. 70, 78 ; Д. 106. – ЛЛ. 17, 135, 186.

18. ГАРФ. – Ф. А-374. – Оп. 23. – Д. 138. – ЛЛ. 21, 85, 99 ; Д. 141. – ЛЛ. 68, 101, 119 ; Д. 156. – ЛЛ. 34, 37, 39, 55, 123, 207, 217, 232.

19. Арефьев, И. А. Особенности формирования женского сообщества на Дальнем Востоке в 1920 – 1930-е гг. и их влияние на развитие региона : международная научная конференция 22 – 23 октября 2002 г. / И. А. Арефьев // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI в. – Хабаровск, 2002. – С. 165 – 169.